

Мне снился затянувшийся побег
из глиняного сумрачного дома.
И я бежал сквозь теплый нежный снег
легко-легко, почти что невесомо

к невидимому морю на краю
живущего вне времени селенья.
И снег кончался, и тогда всюю
в пути цвели ветвистые растенья.

Была вода прозрачна и суха,
как тонкое нежгущееся пламя,
как сосен многошумных шелуха,
кружащая воздушными волнами.

И я бросался в эту круговерть,
не чуя тела... А когда проснулся,
мне было ощущение — словно смерть
я прогулял
и больше не вернулся.

Вот снег идет горизонтально,
чертополох глядит печально —
колюч и сух его глазок.

И так пространство ненадежно,
что ты со свитера тревожно
снимаешь дочкин волосок.

Касание

И порознь хлеб и светлая вода,
и порознь сны —
так что нам делать с ними?
Какая нас с тобой сведет беда,
какая радость нас с тобой обнимет?

Ты видишь снег,
я тоже вижу снег
из времени иного и простора.
В моем снегу шагает человек
вдоль темного склоненного забора.

В твоём снегу...
А что в твоём снегу?
Морозами стреноженная речка?
Я разглядеть отсюда не могу...
Летающий голубь,
колокольни свечка?

И, может быть, пространству вопреки,
сквозь век и сны отдельные, родная,
я все ж коснусь рукой твоей руки,
молчание и речь преодолеваю.

Вновь к зиме Господь на землю сыплет
инея сияющую соль.
Скоро снег начнет неусыпный
и людскую успокоит боль.

А пока лишь музыка над всеми,
и под нею в зыбкой тишине
словом ты вычерпываешь время,
и мерцает вечное на дне.

Вчера во сне так плакала душа,
забыв о тяжком неподвижном теле...
Как ангелы домашние, летели
простынки вдаль, белея и кружа.

И ветер нес дымы, листву, скворцов,
собак и нас, игравших на задворках.

И пахло хлебной подгоревшей коркой,
и мама выходила на крыльцо,

буденовку давая и крича:
«Надень... продует!», но, ее не слыша,
я поднимался выше, выше, выше,
почти касаясь Божьего плеча.

Но возвращались на свои места
слова и вещи, дети и собаки,
и листья, и оторванная в драке
с буденовки латунная звезда

спускалась в руки мамы, но уже
все замирало на земле осенней
и превращалось в отзвуки и тени...
Вчера во сне так плакалось душе.

Душа, продуваема ветром,
исхожена снегом с дождем,
промыта и тьмою, и светом,
давай мы еще подождем.

Пусть память в смятенье босая
по комнатам ходит твоим,
с трудом в тишине узнавая
всех тех, кто был ею любим.

И, тая, качаются лица
в горящих огромных слезах,
не в силах уже отразиться
в легчайших сквозных зеркалах,

в неясных полуночных окнах.
Пусть вещи, утратив объем,
то, вспыхнув, мерцают, то блекнут...
И все же, душа, подождем —

и воздух вдохнем мы текучий,
чтоб речь до конца нам избыть
на выдохе,
тронув паучью
обросшую инеем нить.

Обживаю пустоту
с тьмою горькою во рту,
с невозможным словом,
в горле ставшем комом —

не сглотнуть, не продохнуть...
С неба ниточку тянуть —
скоро в прах сотрется
жизни веретенце.

Что останется тогда?
Воздух сплошь и высота,
и повсюду небо —
даже в порах хлеба.

Памяти Э. П.

Когда засыплют воздух мой землей,
тогда... тогда мы встретимся с тобой,
и ты расскажешь тихо и подробно,
как дышат там — в немыслимой среде,
как ходят по невидимой воде
и как порой глядят в земные окна.

Я стану чудом — зрением его,
последнее утратив вещество,
и речь иную обрести не чая...
И человек, стоящий у окна,
расслышит, как ночная тишина
на стекла дышит музыкой печальной.

Памяти бабушки

1

Отец заснет и видит человека,
стоящего у лодки на реке,
и сквозь мазки размашистые снега —
пурпурное сиянье вдалеке.

И по снегам, как по безбрежным водам,
едва касаясь белых зыбей сих,

проходит мама к берегу в широком
посмертном платье в блестках золотых.

2

Как обряжали, как щенками выли,
как мастерили из столешниц гроб,
как тщетно землю мерзлую долбили
и закопали до весны в сугроб.

И как, раскрыв холодные объятия,
остриженная наголо судьба
детдомовские марлевые платья
дарила им, беззвучна и слепа.

А мама в мае стала молодой
светящейся стремительной водой.

Когда человек выбирает стать тенью,
он слышит печаль однолетних растений,
шуршащих зимой на ветру,
он чует дыханье воды под суглинком,
он ходит в прозрачных воздушных ботинках
по снежному с ночи двору.

А мы вызываем к нему костоправа,
а мы предлагаем таблетки и травы
и водим его по врачам,
к целителям ходим и делимся снами,
гадаем, вздыхаем, а он уж не с нами,
а он далеко уже — там...

Сквозь сердце его пролетает синица,
в его средостенье шиповник ветвится,
он — голос заснеженных трав,
он — воздух заплечный, и зов его тает...
Он сделал свой выбор,
и смерть наступает,
к уходу его опоздав.

